

Е. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

СКИФСКІЄ
ЧЕРЕПКИ

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ

Е. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА.

СКИФСКІЕ ЧЕРЕПКИ

С Т И Х И.

**ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ
СПБ.
912.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дѣти всегда просили о чудѣ, но не хотѣли отдать за него царствія небеснаго; безпечальное спилось оно имъ. Не вѣдали, что познавшіе его становились безсмертными; что не просившіе его,—пили ядъ и принимали муку; что ядъ этотъ пившихъ лишалъ ясной смерти, мука давила всѣ дни, когда они были свободны отъ служеній.

Дѣтямъ надлежитъ знать, что вѣтъ чуда; знать, что смерть придетъ безбольная и тихая, что за горестные дни ожидаетъ ихъ царствіе небесное. И радость этого знанія на вѣки уничтожитъ плачь о чудѣ, такъ какъ не такой же цѣной покупать его?

Но есть отравленные. И вмѣстѣ съ ними говорю: «Мой путь опоясывалъ землю не разъ». Теперь, когда многіе вѣка прошли; когда о времени человѣческой молодости говорятъ лишь поросшіе ковылемъ курганы, черепки, истлѣвшія одежды и пожелтѣлыя кости,—теперь стало яснѣе, что отравы, спрятанная дальше самаго далекаго клада, нѣкогда давалась Богомъ всѣмъ, кто просилъ. Изъ отошедшихъ вдаль вѣковъ слышимъ мы голоса, за завѣсой времени раздаются шаги. Мука,—цѣна за чудо, открыла намъ двери въ древнія царства, въ заповѣдную родину. И знающій повѣствуетъ. Безъ скорби и безъ надеждъ, безъ прикрасъ и обвиненій, означаетъ знающій: было

и есть. Цѣной свѣтлаго рая куплена древняя родина;
цѣной дѣтской ясности куплена мудрость долгихъ
лѣтковъ, которые состарили; цѣной вѣры и надежды
куплено знаніе: было и есть.

И о томъ, что было, о томъ, что есть, говорить
эта книга.

КУРГАННАЯ ЦАРЕВНА.

1.

Смотрю, смотрю съ одинокой башни.
Ахъ, заснуть, заснуть бы непробудно!
Пятна черныя русской пашни,
Паруса подъяты турецкаго судна.

Тамъ, гдѣ кровь пролили любимые братья,
Гдѣ отца покрылъ суровый курганъ,—
Тамъ прошли толпой иноземцевъ рати,
Тамъ прошель чужой, чужой мнѣ караванъ.

Греки, генуезцы и черкесы
Попирали прахъ моихъ отцовъ,
Гордые, взбирались къ морю на отвѣсы,
Посылали вдаль съ побѣдою гонцовъ.

Перстень,—будто связанныя змѣи,—
Я дала однажды скинскому рабу,
А теперь любовь сторожатъ музеи
И лежить, бессмертная, въ каменномъ гробу.

2.

Половина обогрѣннаго кольца,—
Сгинетъ мѣсяцъ за туманомъ горизонта;
Къ чернымъ водамъ мертвеннаго понта
Силъ нѣтъ повернуть лица.

Вы,—хранители завѣтовъ, вы,—курганы,—
Къ вамъ я припаду, нища забытой вѣры,
Миръ живой, какъ лвъ фатаморганы,
А осколки бывшаго спрятали пещеры.

Долго я держалась между скалъ залива,
Ночью набѣгала съ дикимъ караваномъ,
Чтобъ предать пожару ихъ дома и нивы,
Чтобъ попировать надъ роднымъ курганомъ.

Я пила изъ кубка кровь упавшихъ въ битвѣ,
Я пьянѣла, предаваясь дикой мести,
Павшихъ больше, чѣмъ колосьевъ въ жнитвѣ;—
Другъ, въ курганѣ спящій, вспомни о невѣстѣ.

До костей, обвитыхъ багрянцей,
Просочатся капли пиршественной влаги;
Дивно улыбнется царь мой темнолицый,
Средь кургана спящій, въ бѣломъ саркофагѣ...

Половина обагренаго кольца,—
Сгинетъ мѣсяцъ за туманомъ горизонта,
Къ чернымъ водамъ мертвеннаго понта
Силъ нѣтъ повернуть лица.

3.

Когти яростнаго грифа
Рвутъ съ груди знакъ талисманной,
Жду я огненосца-скиѣа,
Пиршество зари курганной.
Сердце оплетаютъ травы,
Въ сердцѣ терпкій вкусъ отравы.

4.

У всѣхъ есть родина любимая,
У всѣхъ есть край желанный;
Огнемъ всегда палимая,
Иду Иерусалима я,
Земли мнѣ богоданной.

Видны поля станичныя,
Поля, поля пшеничныя,
Въ степи, всегда туманной,
И люди безразличныя
Попрали прахъ курганный.

Смѣются надъ завѣтами,
А съ древними монетами
Хранять мечъ талисманнй,
Всю жизнь свяжу обѣтами,
Чтобъ видѣть край желанный.

5.

Онъ въ рабство продалъ меня чужому тирану,
У котораго бѣлая, цѣпкая рука,
Я метаюсь въ сѣтяхъ паука,
Не вернусь, не вернусь, не вернусь я къ род-
ному кургану...

Меня продалъ мой царь, мой владыка кочевный...
Катились, блестяи монеты...
Завершаются кровью обѣты.
Мой курганный владыка, мой сілюще-гибнвый...

Повелитель сидѣлъ во главѣ безпокойнаго пира,
Отличилъ онъ меня отъ рабынь...
Кровь горячая, радостно стынъ:
Дерево скоро подрубить сѣкира.

6.

Я весь путь, весь путь держалась за стремя вла-
дыки;

Конь бѣлый летѣлъ, какъ птица;
Далеко остались рабынь испуганныхъ лица;
Перестали быть слышны вопли и крики.

Это было бѣгство, бѣгство отъ побѣдившихъ;
Насъ въ степи спасла звѣриная тропа,
Мы врагамъ не оставили ни одного снопа,—
Я даже видала людей—боговъ палившихъ.

Владыка одной рукой прикасался къ сѣкирѣ,
А въ другой держалъ бога,—покровителя нашего
племени,—

Вотъ отчего я бѣжала у стремени:
Владыка и идолъ,—что жъ другое осталось въ
мирѣ?

7.

Я не ищу забытыхъ мѣровъ,—
 Я жду, я вѣрю, я клянусь.
 Потомокъ огненосцевъ-скифовъ,—
 Я съ дѣтства въ тягостномъ плѣну.

Когда искали вы заложниковъ,
 Меня вамъ отдалъ мой отецъ,—
 Но помню жертвы у треножниковъ,
 Но помню царственный вѣнецъ...

И рабства дни бѣгутъ случайные,
 Курганнаго царя я дочь,
 Я жрица, и хранитель тайны я,
 Мелькнетъ заря,—уйду я прочь.

Пока жъ я буду вамъ послушною
 И тихо вѣки опущу,
 А въ тайнѣ,—месть бездонно-душную
 Средь вашихъ городовъ рошу.

8.

Хлѣбъ вашъ на землѣ родился,
Гдѣ иѣкогда мы истекали кровью;
Онъ золотомъ надежды накалился,
Онъ клонится, какъ тяжесть поражений,
И, восходя зеленой новью,
Несетъ былыхъ годинъ отображеніе.

9.

Родная мать, твой прахъ люблю,—
 Ты была царицей курганной.
 Я жизньъ средь враговъ гублю,
 Я полна отравой туманной.

Благослови меня рукою,
 Я кричу, я плачу на тризні;
 Укрой плащомъ своимъ, укрой,
 Я стремлюсь, я стремлюсь къ отчизні.

Мой кубокъ горестный испей,—
 Ты увидишь,—ночь моя гибвна;
 Блуждала я среди степей,—
 Я устала,—дочь и царевна.

Вотъ припадаю къ тебѣ:
 Миѣ подъ небомъ жутко и тѣсно.
 Царевна я—равна рабѣ,
 И мертва... Нѣтъ, пѣтъ,—не воскресну...

Щитъ въ рукѣ и шлемъ блистающій,
Мечъ побѣдъ, стрѣла отравлена,—
Но ушелъ ты, невзирающій,—
Я отъ битвъ моихъ избавлена;

Смогли возгласы побѣдные,
Дверь открыта моей хижины;
Я пошла въ пути безслѣдные,—
Вижу,—дали, вы принижены.

Буду я у васъ заложникомъ,
Буду рабъ, свободу чающій...
Жрецъ молился за треножникомъ,
Жрецъ, судьбу мою вѣщающій.

11.

Богъ мнѣ являлся курганный два раза,
Былъ онъ, какъ призракъ во снѣ,—не живой,
Жду третій разъ я благого указа,—
Дальше жъ,—пусть голосъ мой будетъ, какъ вой,
Дальше—лицо пусть извѣсть мнѣ проказа.

Смерть послѣ встрѣчъ недостаточна... Мало...
Къ смерти идетъ мой нетлѣнный сосѣдъ.
Сердце зажжется такъ пламенно-ало
Отъ тихихъ, недолгихъ, тяжелыхъ бесѣдъ.
Крикну: «Мой Богъ, я тебя увидала».

12.

Я языка и обычаевъ вашихъ не знаю:
Меня привели и сразу ярмо надѣли...
И потянулись въ работѣ недѣли,
Не знаю конца ей и краю.

Въ рукахъ у меня всегда лопата,
А горло сохнетъ отъ жажды,
И бить меня можетъ каждый,—
Нѣтъ близко отца или брата.

Ну, что-же? Глумитесь надъ непосильной задачей
И вбруйте въ силу бичей,—
Но сколько не стали бѣ вы слушать ночей,—
Не выдамъ себя я ни стономъ, ни плачемъ.

13.

Я испила прозрачную воду,
 Я бросала лицо въ водоемъ.
 Трубы пѣли и звали къ походу,
 Мы остались, мой идолъ, вдвоемъ.

Всѣ ушли, и смѣнили недѣли
 Мигъ, какъ кровь пролилася тѣльца,
 Какъ вы пѣсию побѣдную пѣли...
 Не увижу я брата лица.

Гдѣ-то тамъ, за десятымъ курганомъ,
 Стальные клинки внесены;
 Вы сразились съ чужимъ караваномъ,—
 Я, да идолъ,—одни спасены.

Я испила прозрачную воду,
 Я бросала лицо въ водоемъ...
 Недоступна чужому народу
 Степь, гдѣ съ Богомъ въ вѣкахъ мы вдвоемъ.

НЕВЗИРАЮЩІЙ.

1.

Безстрастна я, какъ въ храмѣ жрица.
Мгновенья—вѣчности гробы,
Всегда испуганныя лица,
Всегда покорные рабы,

Цари безъ царства и безъ славы,
Послы невѣдомыхъ мнѣ странъ,—
Нѣтъ терпкости и нѣтъ отравы,
И боли нѣтъ отъ вашихъ ранъ.

Иду средь васъ я одиноко,
И сердцу чуждъ вашъ смертный страхъ.
Дождусь ли я великій рока:
Иль ты, мой царь, курганный прахъ?

Смотрю я пристально и строго,—
Вотъ руку рокъ ко мнѣ простеръ.
Иль жду я не царя, а Бога,
Чтобъ лечь на пламенный костеръ?

Мой Богъ, приди какъ встарь безъ гнѣва,
И вознеси побѣдно строгъ,
Чтобъ я,—царевна, жрица, дѣва,—
Могла истѣть у царскихъ ногъ.

2.

Тотъ, кто въ рану вложилъ мнѣ кровавые пальцы;
Кто мечтать о несбыточномъ мнѣ повелѣлъ;
Кто явился, какъ призракъ минутный скитальца,
Начертавъ предо мной этой жизни предѣлъ;

Кто ушелъ безъ улыбки въ незримыя дали;
Кто надъ моремъ и сушей съ луной ворожилъ;
Кто оставилъ мнѣ пути змѣнной печали
И тяжелую кровь каменбющихъ жилъ;

Тотъ, кому моя пѣснь вѣками поется,
Тотъ, кто вѣчно со мной,—никогда не вернется.

3.

Будеть ли новая сѣча?
Вернешься ль ты, клятву поправъ?
Зажжется ль надежды томленье?
Какая бы ни была встрѣча,
Я знаю, владыка, ты правъ:
Намъ не дано единенье.

Въ пожатьи сомкнуты руки
И пристаенъ жаждущій взоръ.
Минута,—и будешь ты нѣженъ...
Но страхъ нескончаемой муки
И вѣчныхъ невѣрій позоръ
Кричатъ, что конецъ неизбеженъ.

Уйду я въ незримыя земли,
(Вѣдь много средь жизни дорогъ),
Свершу знакъ послѣдней молитвы,—
Но помни, но помни и внемли,—
Нести ты томленья не смогъ
И первый не выдержалъ битвы.

Мы крѣпко держались другъ друга,—
Не смогъ ты руки опустить,
Просилъ незнакомыхъ и встрѣчныхъ
Расторгнуть цѣль свѣтлаго круга,
Порвать насъ обвившую нить,—
Но связаны въ путяхъ мы вѣчныхъ.

4.

Не безпокойтесь, сторожа:
Мы—дѣти, мы—къ возстанью глухи,
И я иду съ душой старухи
И бѣсть меня слѣпая ржа.

Хоть прозвучалъ мнѣ голосъ нынѣ:
«Борясь, въ плѣну не сможешь ты
Пройти весь путь былой мечты,
И я, твой царь, въ пескахъ пустыни».

О, солнце, солище, лей огонь,
Зажги костеръ послѣдней встрѣчи,
Предвѣчныя, горите рѣчи,
Ты, смерть, рукою, очи тронь.

Тоска сковала крѣпко тѣло,
Не преступлю я твой порогъ,
И ты, ушедшій въ даль пророкъ,
Воскликнешь: «Этого-ль хотѣла?»

Нѣтъ, но я знала, что на муку,
На вѣчный, на святой позоръ,
Манилъ меня твой темный взоръ.
Ты далъ свою стальную руку,

И я припала къ ней; испили
Мы вмѣстѣ часъ благихъ надеждъ,
И въ путяхъ тлѣющихъ одеждъ
Лежу теперь въ твоей могилѣ.

Ну, что же? Горе или смѣхъ
Тебѣ несетъ моя кончина?...
Знай,—не достойно властелина
Отринуть этотъ темный грѣхъ.

5.

Мнѣ не быть рабою господеи,
Не носить его веригъ,—
Завтра минеть, какъ сегодня,
Околкуеть новый мигъ.

Я раба безъ господина,
Не могу главы склонить,—
Сестры, вы сгибали спины,
Знали чью отраву пить.

Сестры, чтили вы завѣты
Дивно-строгаго царя,—
А мои напѣвы спѣты,
А моя мертва заря.

Завтра минеть, какъ сегодня,—
Кто придетъ, что бы сказать:
«Внемли, ты раба господня;
Онъ даруетъ благодать».

6.

Я склонила голову мою,
Я тебѣ молитву новую пою:
Мое солнце, свѣтлый Боже.
Но глядитъ онъ, мудрый, строже...
Буду ль я въ его раю?

Кровью запеклася рана,
Взоръ мой меркнетъ отъ тумана...
Мое солнце, свѣтлый Боже.
Но глядитъ онъ, мудрый, строже...
Гдѣ ты тихая нирвана?

7.

Я, какъ слѣпая, бродила, ища увѣреній;
 Сердце давно говорило мнѣ: вѣрь.
 Закрылась желѣзная дверь;
 Нѣту надеждъ и нѣту сомнѣній.

Я, какъ дитя, вырывала цвѣточные корни;
 На ростъ ихъ хотѣла смотрѣть.
 Цвѣты мои начали быстро желтѣть;
 Пустыниѣ стало, а можетъ просторнѣй?

Я, какъ невѣста, ждала, чтобъ свершилось;
 Ты не позволилъ,—я ждать перестала...
 Теперь я темно устала...
 Можетъ въ нежданномъ мнѣ счастье открылось?

Я, какъ раба, отказалась отъ мысли и воли,
 Жду лишь велѣній и властнаго слова...
 Ты близко,—я плакать отъ боли готова...
 Пусть больно,—смѣюсь я отъ радостной боли.

8.

Невѣдомый, нездѣшній человекъ
Пришелъ въ мои родныя степи,
И сохнуть русла быстрыхъ рѣкъ,
И на ногахъ влечатся цѣпи,
И табуновъ не слышенъ бѣгъ.

Нездѣшній и невѣдомый намъ царь
Возсталъ одинъ на наше племя,
Мы бились такъ же, какъ и встарь,
Но я врага цѣлую стремя,
Молю: мечомъ меня ударь.

Нашъ свѣтлый, дивный господинъ,
Передъ тобой мы въ долѣ равной,
Мы ждали множество годинъ,—
Ты нашъ владыка полноправный,—
Цари, казни и награждай одинъ.

9.

Когда ты вернешься, то солнце возстанетъ
 вторично,
 Заря загорится надъ только что блѣднымъ восто-
 комъ.

И я, чья дорога намѣчена рокомъ,—
 Пойму, что безумье годовъ безразлично.

Надъ снѣгомъ зажжется нежданное лѣто,
 Увижу я степь и вершину кургана,
 Губами прильну къ ободку талисмана,
 На шеѣ расправлю я цѣпь амулета.

Когда ты вернешься,—взметусь я на лошади
 бѣлой,
 И крикну надъ далью послѣднее Слово,
 Пойму, что не въ силахъ принять я иного,
 И въ него взметать оперенныя стрѣлы.

10.

Вокругъ меня,—золотые пески,
Только тѣнь синѣть у ногъ.
Освободившись отъ тоски,
Иду я,—твой пророкъ.

Надъ далью,—дерево въ дыму
И призрачность морей.
Теперь я знаю, что пойму
Нѣмую рѣчь звѣрей.

Ты мнѣ велѣлъ найти твой слѣдъ
Среди песчаныхъ горъ.
Найду его я или нѣтъ,—
Все жъ,—мой святой просторъ.

У ПРИСТАНИ.

1.

Чтобы взять пшеницу съ нивы,
И кровавое, пьянящее вино,—
Вы входили въ тихіе заливы,
Гдѣ сквозь синь мелькаетъ дно.

За вино платили звонкими рублями,
На зерно мѣняли золото монеть.
И, гремя по борту якорями,
Оставляли въ морѣ пѣнный слѣдъ.

Мы жъ,—купцы и винодѣлы,
Пахари береговой земли,
Ждемъ, чтобъ вновь мелькнули дыма стрѣлы,
Чтобъ на якоряхъ качались корабли.

2.

Тебѣ молюсь, тебя пою,
Твой свѣтъ, твой бѣлый блескъ.
Какъ встарь, въ волнѣ я узнаю
Привѣтный, вѣщій плескъ.

Высоки мачты изъ сосны,
А парусъ—вѣтромъ полнѣ.
Навѣй, навѣй благіе сны
Подъ шумъ зеленыхъ волнѣ.

Я кубокъ выпила до дна,
Мой идѣ,—изъ терпкихъ травъ...
Опять одна, всегда одна...
А парусъ плещется, олавѣ...

3.

Перекладины на мачтах сосновыхъ,—
Кресты надъ могилой отцовъ;
А рядомъ,—иножество готовыхъ
Къ отплытію гонцовъ.

Кресты, кресты, родной погостъ,
Морское дно,—вотъ цѣль конечная.
Зари послѣдній лучъ такъ простъ;
А путь мой въ море, въ море вѣчное.

Доской я отдѣлилась тонкою
Отъ зыбкаго небытія.
Играй, играй съ волною звонкою,
Моя гробница, жизнь моя.

НЕМЕРКНУЩІЯ КРЫЛЬЯ.

1.

Причастились благодати
Прежде, чѣмъ глаза открыли,
Освѣтили Божей рати
Нашъ немеркнушія крылья.

Не молились мы о чудѣ,
И надежды не искали,—
Мукой вскормленные люди,
Чудотворцами мы стали.

Мука нашъ къ могилѣ тянетъ,
Здѣсь и казнь,—на этомъ мѣстѣ,
Но вокругъ трава не вянетъ:
«Дня и часа бо не вѣстѣ».

И когда предсмертный холодъ
Медленно проникнетъ въ душу,—
Крикну я, что снова молодъ
И законъ земли нарушу.

Крылья рѣяли незримо...
Мукой вскормленные люди
Не видали серафима
И не плакали о чудѣ.

2.

Ты разбѣкъ мнѣ грудь и вынулъ
Сердце—чашу налитую,
Годъ съ тѣхъ поръ еще не минулъ.—
Я жъ столѣтія тоскую.

Бьютъ невидимыя плечи...
И, добывшая безсмертье,
Знаю,—царство ваше, дѣти,
Въ милость Бога свято вѣрьте.

3.

И вынули сердце, и не дали рая...
Мой путь опоясывалъ землю не разъ.
Я стала другая, я стала чужая,
Иду средь людей выполнять вашъ наказъ.

Тропинки, дороги, равнины, заборы,
Моря, океаны, излучины рѣкъ,
Бездонныя глубины, высокія горы,
И каждый день сызнава солнечный бѣгъ.

А рядомъ, а рядомъ состарились дѣти,
Дождались. Открылись врата имъ небесъ...
Иду, чудотворецъ, въ немеркнущемъ свѣтѣ,
Не страшень, не страшень надъ бездною отвѣсъ.

Живые и въ смерти,—не плачьте о чудѣ,—
Вамъ рай уготованъ за горести дней...
А я, чудотворецъ,—бессильные люди,—
Не въ силахъ нести всей побѣды своей...

Я площади эти давно проходила
И слышала тотъ же тоскующій плачъ.—
Не бойтесь, не бойтесь,—васъ ждетъ лишь мо-
гила,—
Я жъ—тихий, цѣлящій и благостный врачъ.

ПѢСНЬ ИММАЛИ.

Тихая я, тихая, тихая Иммали.
Гдѣ вы, розы Индіи, яркіе огни?
Въ небо пальмы листья подымали,
И летѣли быстрые, сладостные дни.

Я на островѣ, средь синихъ волнъ была единой,
Я жила въ душистомъ, тихомъ гротѣ,
Пестрые бродили гордые павлины...
А теперь всегда я съ мыслью о Мельмотѣ...

ЦАРСТВО — ПРИЗРАКЪ.

Я не забуду, всю жизнь не забуду, —
Пусть жало огня мою память извигъ,
И скошенныхъ тригъ пожелтѣвшую грудь,
И старой царицы испуганный видъ,

И смолкнувй нашъ станъ, освѣщенный кострами,
И стадо овечьихъ блѣбующихъ рунъ,
Тебя, озареннаго, здѣсь, между нами
Въ волненьи и ибнѣи торжественныхъ струнъ.

И помню, сказала я: «Гдѣ же другую
Найдешь ты, зажженную кровью зарю,
Твою всю, до сердца, до сердца пагую,
Какою владѣютъ ибтра и цари.

«Я о тебѣ у колдуньи гадала,
Я для тебя зажигала костеръ,
Я для тебя хороводы сплетала,
Бѣлой царевной средь вѣрныхъ сестеръ».

Опершись на ручку высокаго жезла,
Отвѣтилъ: «Иду, завершается бой!
Но помни въ побѣдѣ, въ вѣкахъ я съ тобой...»
Сказалъ, и все царство какъ призракъ исчезло.

КОГДА ВРЕМЕНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТЬ.

Они говорятъ, что ты, мертвый, возстанешь изъ гроба,
Когда небеса словно огненный свитокъ совьются,
Когда всѣ моря въ океанъ безконечный сольются.
Они говорятъ, что предъ Богомъ предстанемъ мы оба.

Царь мой, владыка, живой и подъ темнымъ курганомъ,
Пусть ангелы ихъ покарютъ за ихъ прегрѣшенья,
Ты не забудешь въ вѣкахъ рокового рѣшенья,
Не встанешь, влекомый чужимъ ураганомъ.

Когда же Премудрый Судья всѣхъ разсудитъ,
Живущихъ, и жившимъ нияя предстанеть обитель,
И сложитъ каравшій и грозный ихъ мститель,
Земля будетъ нишей и нашей во вѣки пребудеть.

ПОСЛАНИЕ.

Д. Д. В.

Какъ радостно, какъ радостно надъ бездною голу-
бвющею
Идти по перекладинамъ, бояться внизъ взглянуть,
И знать, что древній, древній Богъ, Богъ мудрый,
нежалбующій,
Не испугавшись гибели, послалъ въ послѣдній
путь.

И знать, что воинъ преданный пойметъ костеръ
пылающій
И приметъ посвященіе, и приметъ тяжесть ризъ,
Пойметъ, что Богъ пытаетъ насъ, что свѣтель
невзирающій,
Что надо мудро, радостно глядѣть въ туманы,
внизъ.

Что надо тяжесть темную съ простою, дѣтскою
радостью
Принять, какъ даръ премудраго, и выполнить
забѣтъ.
Налетятъ сердце мукою, душа занеетъ сладостно,
И Богъ, ведущій къ гибели, дастъ свѣтлый аму-
летъ.

ЦАРИЦА УСТАЛАЯ.

Царица была королевною,
Королева любила опалы,—
Но пришелъ царь, свободный и гибкий,—
И стала царицей усталой...

И царь ей могилы дороже,
Ему—ся взглядъ и молитвы,
Но съ каждымъ днемъ дальше и строже,
Мечтаетъ о новой оупь битвѣ.

И сынъ ея—сынъ властелина,
Рабыней царю она стала.
Путь пройденъ послѣдній, единый...
Царица устала, устала...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	3
Курганная царевна	5
Невзирающій	19
У пристани	32
Немеркнушія крылья	35
Пѣснь Иммали	40
Царство-призракъ	41
Когда времени больше не будетъ	43
Посланье	44
Царица Усталая	45

Обѣщанный въ проспектахъ фронтисписъ не могъ появиться по причинамъ отъ издателя независящимъ.

Обложка работы Сергія Городецкаго.

ИЗДАНИЯ ЦЕХА ПОЭТОВЪ.

Анна Ахматова. Вечеръ. Съ предисловіемъ М. Кузмина. Съ фронтисписомъ въ три краски Е. Лаусере. Спб. 912. Ц. 90 к.

Вл. Бестужевъ. Заѣтъ. Спб. 912. Ц. 1 р. 80 к.

Б. Верхоустинскій. Яворчатыя Гусли. *Готовится.*

Василій Гиппіусъ. Роса. *Готовится.*

Сергій Городецкій. Вереница Восьмистишія. Спб. 912. Ц. 90 к.

Н. Гумилевъ. Книга Балладъ. *Готовится.*

М. Зенкевичъ. Дикая Порфира. Спб. 912. Ц. 90 к.

М. Кузминъ. Яблочный Садъ. *Готовится.*

Е. Кузьмина-Караваева. Скифскіе Черенки. Спб. 912. Ц. 90 к.

О. Мандельштамъ. Раковина. *Готовится.*

М. Моравская. Голубые Лютки. *Готовится.*

Владимиръ Нарбутъ. Аллилуя. Спб. 912.

» » Вія. *Готовится.*

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва М. О. Вольфъ.

« Скифские черепки »

Репринт.

Отпечатано 100 экземпляров.

Экз. № 60

23 октября 1992

Паринт

Ив. Монаев

Les Éditions Grigalac

Paris

1992

F 30.00